

П. П. Каминский

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

kelagast@yandex.ru

**ПУБЛИЦИСТИКА В. М. ШУКШИНА В ЭСТЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
«ДЕРЕВЕНСКОЙ» ПРОЗЫ**

Автор исходит из типологической проблемы: необходимость уточнения места В. Шукшина в литературном процессе второй половины XX в. С ее решением связывается анализ не только художественного, но и публицистического наследия писателя, представляющего собой целостное высказывание о человеке и бытии и необходимого для понимания его эстетики. В зависимости от способа нарративного действия, в публицистике В. Шукшина выделяются два плана: собственно публицистический, в котором доминирует риторическая целеустановка, и эссеистический, со свойственным ему модусом рефлексии. В ходе анализа, во-первых, реконструируются представления писателя о жизненном укладе традиционной русской деревни и детерминантах его кризиса, выраженные риторически. Во-вторых, предпринимается попытка интерпретации субъективных переживаний, составляющих предмет авторской рефлексии в эссеистическом плане высказывания. Подтверждаются близость В. Шукшина художественным поискам «деревенской» прозы и существенное расхождение с нею. С одной стороны, писатель вырабатывает свою ретроутопию крестьянского мира, с другой – преодолевает утопизм сознания, свойственный «деревенщикам», предстает как носитель сознания, отпавшего от рода, находится в мучительном поиске ценностей уже не коллективного, а индивидуального существования.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, публицистика, мировоззрение, проблематика, поэтика, «деревенская» проза.

«Деревенская» проза – течение реализма, которое складывается со второй половины 1950-х гг. в духовных обстоятельствах оттепели и воплощает особый тип эстетических концепций – «эстетику национального самосознания» [Суханов, 2001. С. 6]. За бедственным положением современной деревни писатели видят разрушение патриархальной культуры и традиционного миропонимания крестьянина в ходе революционного вторжения в национальный космос цивилизации, что заставляет их обращаться к осмыслению народной жизни и судьбы народа как этнической целостности.

На рубеже 1950–1960-х гг. обозначаются два направления развития «деревенской» прозы: социально-аналитическое и элегическое. Первое вырастает из сельского очерка и нацелено на постижение глубинных основ национальной жизни, народного характера и

нравственности в современных социально-исторических обстоятельствах («Не стоит село без праведника» А. И. Солженицына, «На Иртыше» С. П. Залыгина, «Живой» Б. А. Можяева, «Вокруг да около» Ф. А. Абрамова и т. д.).

Элегическое направление вырастает из «тихой лирики». По сравнению с социально-аналитической прозой о деревне, здесь значительно усиливается нравственно-философское звучание. С. А. Крутилин в «Липягах», В. А. Солоухин во «Владимирских проселках» и «Капле росы», В. П. Астафьев в «Последнем поклоне» открывают глубину и внутреннее богатство человека, сформированного крестьянской культурой, выявляют в деревне целостный и органичный культурный универсум, основанный на природно-космическом мироощущении. Их лирический герой предстает как носитель родовых духовных начал,

выражает субъективно-лирическое переживание национального мира.

В 1970-е гг., объединяя аналитическое и лирическое направления, литература национального самосознания развивается в «онтологическую» прозу [Белая, 1983. С. 51–56]. В повестях В. И. Белова «Привычное дело» и В. Г. Распутина «Прощание с Матерой», в романах С. П. Залыгина «Комиссия» и Ф. А. Абрамова «Дом», в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева различные аспекты национального бытия исследуются в их связи с онтологическими законами мироздания. В человеке деревенской культуры, носителе родового сознания, открывается онтологическая личность, чей духовный мир является производной природы. Формируется неопатриархальная концепция народной жизни, миф о «деревенской Атлантиде», идеальном пространстве, противоположном современной цивилизации – бездуховной, технократической. Но онтологический реализм становится литературой прощания с патриархальной деревней. Обращенность к прошлому трансформируется в эсхатологизм. Наблюдаемый художниками кризис национального мира трактуется как отступление от законов одухотворенного бытия, что заставляет ставить проблемы сохранения памяти и национальной культуры.

В. М. Шукшин занимает в этом эстетическом контексте совершенно особое место. Как указывает С. М. Козлова, до самого последнего времени его творчество «...рассматривалось преимущественно в парадигме традиционалистского течения русской литературы, в частности, “деревенской прозы”». При этом «...сам Шукшин, с уважением отзываясь о творчестве “деревенщиков”, себя к их лагерю не причислял» [2014. С. 10]. Данное противоречие оставляет одной из главных для современного шукшиноведения проблему типологической классификации творчества писателя, уточнения его места в литературном процессе второй половины XX в. Решение этой проблемы требует исчерпывающего описания его художественной системы.

«В своей целостности эстетика писателя может быть понята только с учетом двух составляющих ее уровней: литературно-критической, публицистической деятельности и художественного творчества», – полагает В. А. Суханов. Если в художественном творчестве «...эстетические взгляды писа-

теля сплавлены с образным строем произведения, предстают в нерасчлененном виде, что затрудняет реконструкцию эстетической системы писателя», то публицистика предоставляет «...ему возможность для выражения аксиологических представлений в “отделенном” от образности виде, осмысленных теоретически и выраженных в понятии, но сохраняющих при этом основное “зерно” эстетики, развернутое в творчестве» [2001. С. 31].

Публицистический дискурс представляет собой разновидность риторического. Целостность высказывания здесь обеспечивает риторическая интенция – построение целого мысли, убеждение адресата или побуждение его к действию [Каминский, 2007. С. 104]. Это позволяет характеризовать публицистику как функциональный род литературы нехудожественного типа, если, вслед за И. В. Силантьевым, понимать «литературность как таковую <...> как систему принципов жанровой организации словесных текстов в процессе их создания и функционирования» [2009. С. 199]. Писательская публицистика – переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способы мышления, и ее анализ должен затрагивать как уровень проблематики, так и уровень поэтики, описывать не только идеологию автора, систему его взглядов на действительность, но и способ нарративного действия, принципы обращения автора к предмету высказывания и его коммуникативное намерение.

Исходную точку размышлений в публицистике В. Шукшина задает проблема миграции сельского населения в города. Обращаясь к демографическим процессам современного села, писатель практически сразу расширяет проблемное поле до судьбы деревни как цивилизации традиционного типа¹.

Обращение к этой проблематике осуществляется двумя путями, рассудочно или интуитивно. В первом случае автор осмысляет традиционный уклад русской деревни, переживающей процессы маргинализации и распада, подвергает всестороннему анализу причины и механизмы этих процессов. Вы-

¹ «Вопрос самому себе» (1966), «Монолог на лестнице» (1968), «Нравственность есть Правда» (1969), «Признание в любви (Слово о “малой родине”» (1974) и т. д.

сказывание обращено к самой широкой аудитории – к современникам, сельским и городским жителям, в целом составляющим народ. Цель, которую ставит перед собой автор, заключается в их убеждении и побуждении к разрешению затронутых противоречий в реальной практике социального существования, для чего необходимо объяснить людям сущность наблюдаемого кризиса. Кроме того, В. Шукшин обращается и к более конкретному адресату – к собственным критикам и оппонентам, когда на первый план выходит полемическая интенция, стремление возразить, опровергнуть.

Во втором случае высказывание затрагивает не объективные противоречия реальности, а противоречия субъективной реальности сознания, внутренние движения души писателя. Здесь он обращается не к некоему Другому, внеположенному себе, а к себе самому, себе-как-другому. Осмысляя свою индивидуальную судьбу и творчество, обращаясь к образам, сохранившимся в памяти, выражая эмоции и переживания, возникающие как реакция на проблемы социального существования, писатель интуитивно приближается к пониманию фундаментальных основ национального мира и глубочайшего трагизма его существования на современном этапе истории.

Очевидно, таким образом, что несобственно-художественное высказывание В. Шукшина, его прямое слово, основывается на сочетании двух начал – публицистического и эссеистического, отражая специфику мышления писателя. С одной стороны, здесь доминирует риторическая интенция, определяющая рациональный, аналитический подход писателя к проблемам социального существования. С другой стороны, свой план образует их субъективное, лирическое переживание, рефлексия.

В риторическом плане В. Шукшин определяет сущность кризиса как «разрушение в крестьянине его извечной любви к земле». Выделяется целый комплекс факторов объективно-исторического, социально-политического, экономического и социально-психологического порядка, заставляющих молодежь покидать деревню, лишая ее будущего.

Во-первых, это логика развития человеческой цивилизации в XX в.: «Двадцатый век, он, конечно, бурный век, стремительный. Ритмы его должны были всколыхнуть

спокойную деревню. И всколыхнули» (Шукшин, 2009. С. 23)². Ускоряющийся прогресс вторгается в деревенский мир, нарушая его порядок, размеренный ход жизни, приводит его в смятение.

Во-вторых, отмечаются конкретно-исторические обстоятельства, усугубляющие влияние цивилизационных процессов: «Насильственное подталкивание» на путь «малой урбанизации» (С. 30). В. Шукшин лишь осторожно обозначает этот процесс, очевидно, имея в виду политику ликвидации «неперспективных» деревень, проводившуюся в 1960–1970-е гг.³

В-третьих, подробно анализируются социально-экономические причины демографических процессов современного села. В первую очередь это плохое снабжение товарами, которое не покрывает возросших бытовых потребностей людей, вызывая раздражение селян и отпугивая от деревни специалистов из города.

В-четвертых, В. Шукшин наблюдает кризис самосознания сельской молодежи, поиск себя в изменившихся условиях. В ней рождается сильная потребность в духовном развитии, которую невозможно реализовать в деревне. Состояние культурной жизни на селе характеризуется как провал: «...Надо представить себе, какая это зияющая утроба – деревня» (С. 20).

Такая дефиниция, помимо прямой оценки, несет в себе два архетипических концепта, которые образуют скрытый уровень значения. Во-первых, это концепт «хаос» – зияющая бездна, заполненная туманом и

² Далее в круглых скобках указаны страницы этого издания.

³ Начало этой кампании, предусматривавшей переселение жителей малых сел в крупные, было положено в 1958 г. «закрытым» решением Президиума ЦК КПСС и Совмина РСФСР. Имея целью в том числе приближение уровня жизни на селе к городским стандартам и сокращение миграции сельского населения в города, этот административно-политический эксперимент проводился волонтаристски, переселение происходило насильственным образом, в приказном порядке, что с неизбежностью привело к обратному результату. Помимо катастрофического сокращения поселенческой сети, названного В.И. Беловым «преступлением против крестьянства», сокращается сельскохозяйственное производство (вследствие укрупнения колхозов, которые становятся неуправляемыми), а плохое снабжение и бытовая неустроенность в крупных поселениях еще сильнее подталкивают молодежь уходить в города [Карпунина, Мелентьева, 2004; Мазур, 2005].

мраком. В античной космологии это первичное, докосмическое состояние мира – бесформенное, беспорядочное, неопределенное; некое первовещество, из которого создается космос, упорядоченное бытие. Во вторых, концепт «утроба» – чрево матери, символ рождения, начала любого существования. «Зияющая утроба», таким образом, – символ непроявленного, суммы всех возможностей, потенциально заложенных в деревенском социуме. В этом символическом контексте деревня предстает как благодатная почва, которая, если засеять ее, способна дать богатые всходы. Писателю «понятно» и «отраднo», что духовная «нужда» в деревне «особенно вопиет». Но от того же и «грустно, поскольку этот призыв останется напрасным. Не получая ответа на свою мольбу, люди вынуждены «в поисках этого “разумного, вечного” <...> подниматься и уходить с земли отцов и дедов» (С. 33).

Четко понимая детерминанты кризиса, В. Шукшин задается двумя вопросами: «Что погибает в деревне и что стоит жалеть из того, что погибает?» и «Куда идет деревня?» (С. 22). И если последний вопрос остается риторическим, в силу неопределенности будущего, то первый получает развернутый ответ.

Особо подчеркивая, что никогда не выступал против модернизации быта, В. Шукшин разграничивает в уходящей деревне материальное и духовное, внешнее и внутреннее, преходящее и неизменное. Внутренняя сущность уходящей деревни, «прекрасное» в ней, требующее сохранения, – «патриархальность», под которой понимаются «веками нажитые обычаи, обряды, уважение заветов старины» (С. 24).

Обычаи – это привычные, укоренившиеся в быту с давних пор способы поведения, характерные для социальных общностей традиционного типа. Обряды – формализованные обычаи, символические действия, не имеющие непосредственной целесообразности, но поддерживающие их в актуальном состоянии. В. Шукшин интерпретирует значение обряда сельской свадьбы и сезонных обрядов, а также некоторых не обрядовых форм коллективной жизни.

Вспоминая, как выдавал замуж сестру в 1955 г., он описывает свадебный обряд как «спектакль», в котором каждый из участников играет определенную, предписанную ритуалом роль. Символические действия

служат установлению отношений родства: «Мы роднились» (С. 25).

Ритуал не просто объединяет участников, делает их ближе друг к другу, он позволяет ощутить родство самым разным, не связанным между собой по крови или брачными узами людям – всему социальному кругу жениха и невесты. Эта, условная форма родства содержит потенциал подлинного, духовного родства, в основе которого лежит особенный опыт, получаемый в ходе исполнения обряда – «чувство прекрасного, торжественный смысл происходящего, неизбежная ответственная мысль о судьбе двух, которым жить вместе...» (С. 25).

«Чувство прекрасного» – эмоциональное переживание гармонии, согласия между людьми, принимающими участие в этом действе, смысл которого – «торжественный», т.е. выдающийся по значимости: союз двух людей, принимающих ответственность заботиться друг о друге. Ответственность о «судьбе двух» зарождается и в душах остальных. Переживание духовного родства снимает противоречия между людьми, на протяжении всей последующей жизни служит их согласию: «И всегда русские люди помнили этот единственный праздник в своей жизни – свадьбу. Не зря, когда хотели сказать: “Я не враг тебе”, говорили: “Я ж у тебя на свадьбе гулял”» (С. 25).

В сезонных церковных и языческих обрядах крестьянский мир переживает единение с природой: «...Всякие пасхи, святки, масленицы – это никакого отношения к богу не имело. Это праздники весны, встречи зимы, прощания с зимой, это – форма выражения радости людской от ближайшего, несколько зависимого родства с Природой» (С. 26).

Родство с природой – естественное, биологическое. В отличие от духовного родства между людьми, это «ближайшее» – наиболее близкое, первичное родство, при том «несколько зависимое», поскольку человек – часть природы, и в своей жизни он подчиняется ее законам. Для В. Шукшина важно, что именно в деревне связь с природой особенно сильна. Связь хозяйственных циклов с циклами природы, всецелая зависимость земледельца от плодородия почвы неизбежным образом способствует переживанию человеком себя как части природного бытия, ощущению единородства природного и человеческого миров, что, в свою оче-

редь, служит переживанию «радости» – духовного чувства полноты бытия, выражаемого в обрядах.

Воспроизводя различные уровни родства, обряды напоминают о всеобщей сородственности людей и окружающего мира. Родство выступает и как человеческий, и как природный онтологический закон. Следование ему из поколения в поколение поддерживает заведенный порядок жизни, в котором личное растворено в родовом, а родовое, в свою очередь, входит частью в онтологию.

Интерпретируя деревенские обряды, В. Шукшин фактически актуализирует значение общеславянского слова «обряд» – «приведение в порядок»: исполнение предписанных обычаем ритуальных действий служит не только поддержанию сложившегося социального порядка, но и упрочнению социальных связей внутри общности, чем обеспечивается ее устойчивость.

Обычаи складываются естественным образом, органически, накапливая опыт поколений: «Обычай не придумаешь, это невозможно» (С. 26). «Нажитые веками» обычаи и обряды возобновляют этот опыт социального общежития, данный потомкам в виде «завета» – наказа о том, как и для чего жить, связывая ныне живущие поколения с поколениями предков. Тем самым поддерживается преемственность существования народа в границах традиционного деревенского уклада.

Все это позволяет В. Шукшину утверждать, что патриархальное в деревне – не нечто косное – устаревшее, отжившее свое, а, напротив, подвижное – актуальное и живое, поскольку патриархальность «...предполагает свежесть духовную и физическую» (С. 17), служит не консервации, а естественному развитию сельского социума, обеспечивает постоянное обновление, воспроизводство всех жизненных начал традиционного уклада.

В целом, положения анализа, который ведется в риторическом плане, предельно ясны, поскольку авторские суждения здесь выражены напрямую. Гораздо больший интерес представляет эссеистический план высказывания, открывающий внутренние переживания и экзистенциальные мотивы писателя.

Отвечая критикам, В. Шукшин отвергает обвинения в том, что испытывает к городу «глухую злобу»: «Если есть что-то похожее

на неприязнь к городу – ревность: он сминает из деревни молодежь. Здесь начинается боль и тревога» (С. 16). «Ревность» – положительное, в данном случае, состояние, основанное на чувстве любви к односельчанам. Это мучительное сомнение, происходящее от неуверенности в сельских жителях, которые отдают предпочтение городу, изменяют родному пространству. Ревности сопутствуют боль и тревога. Это сильные эмоциональные реакции, которые возникают в ходе глубоко личного переживания противоречий реальности.

Как и физическая, душевная боль возникает под влиянием неких разрушительных воздействий, повреждающих целостность внутреннего мира; это естественная реакция, которая сигнализирует об опасности и мобилизует ресурсы души на ее устранение. В данном случае, болевыми раздражителями становятся события, разрушающие органическую для человека среду, нарушающие привычный ход жизни. Душевная боль переживается как личная утрата чего-то ценного, жизненно важного. Ее очаг располагается в сердце, органическим образом связанном с пространством, в котором формировалась личность, – с родным пространством.

Тревога, испытываемая В. Шукшиным, – болезненное состояние, переживаемое как чувство незащищенности, уязвимости, бессилия перед неподвластными обстоятельствами. Важно, что это чувство такой опасности, которая угрожает самой сущности, ядру личности (К. Хорни), и при этом остается неопределенной. Как и боль, тревога представляет собой универсальный защитный механизм, способствующий обеспечению психической целостности индивида. По З. Фрейду, это функция эго, которая состоит в предупреждении надвигающейся угрозы, давая личности возможность адекватно реагировать на нее.

Сильные эмоциональные страдания стимулируют волевой импульс, направленный на устранение болевого раздражителя, источника тревоги. Компенсаторным механизмом, способом преодоления негативных переживаний, восстановления внутренней целостности и равновесия, становится рефлексия – осмысление событий, вызывающих болезненные состояния.

Компенсация боли в рефлексии возможна путем оставления уходящего в памяти:

«...если уж ушел, то хоть помни, что оставил!» (С. 17). Уступительный союз «хоть» в придаточном предложении выражает надежду пусть не на сохранение деревенского уклада в реальности, то хотя бы на его продолжение в памяти, для чего уходящее должно быть осмыслено.

В экзистенциальном смысле, боль составляет способ переживания бытия и критерий индивидуального существования. По М. Хайдеггеру, будучи видом чувствительности, боль открыта сознанию. Ее переживание напоминает человеку о себе самом, подтверждает то, что он существует. Поэтому рефлексия объективных процессов, происходящих в социальной реальности, становится и саморефлексией.

Идентифицируя себя, свою индивидуальную судьбу, с судьбой других переселенцев, В. Шукшин выступает от их лица. Рефлексия личных переживаний расширяется до всеобщего обобщения: «Те, кому пришлось уехать (по самым разным причинам) с родины <...> невольно несут в душе некую обездоленность, чувство вины и грусть» (С. 51).

Буквально, «обездоленный», «бездольный» – лишенный «доли». Как указывает акад. А. Н. Веселовский, у восточных славян это слово выражало сложный комплекс представлений о некой сверхъестественной силе, направляющей жизнь человека, предопределении: «Личная доля или недоля человека – не каприз рождения или случая, а дело высшего, таинственного устройства не одного, а всех к общему благу» [2006. С. 533].

Доля – жизненный удел, унаследованный от рода, нареченная при рождении судьба. Ее определяет необъяснимый порядок мироздания, направляющий жизнь всякого к общему благу. Личное в мире людей подчинено общему и не разделимо с ним, поэтому каждому выпадает его собственная доля – часть общего счастья, благополучия.

«...С другой стороны, – пишет ученый, – доля и недоля не только даются, но и заслуживаются: своя волюшка доводит до горькой долюшки» [Там же]. Если личное счастье, переживание радости, полноты бытия возможно только путем исполнения того, что суждено, написано на роду, то отказ от прирожденной судьбы, совершенный «по самым разным причинам» – по своей воле или же под влиянием непреодолимых жиз-

ненных обстоятельств, – неизбежно делает человека несчастным.

Важно, что в архаическом мироощущении счастливая судьба мыслится только в своем мире – в ойкумене, предполагая ответственность человека перед родом и общиной: в дуалистических народных поверьях именно заслушание, преступление отцовского завета к человеку привязывается Недоля или другие мифологические персонажи, олицетворяющие несчастье, горькую судьбу, от которой нельзя уйти, – Лихо, Горе-Злосчастье.

У В. Шукшина, однако, нет фатализма, свойственного народным представлениям, он верит в личную судьбу, волю человека и его силу. «Обездоленность» здесь – не цепь невзгод и неурядиц, преследующих на жизненном пути, а особое внутреннее состояние. Отрыв от почвы ощущается как утрата опоры во внешнем мире, когда полноценное существование вне родной, органической для себя среды, оказывается невозможным.

Если противоречия реальности вызывают боль и тревогу, то переживание личной драмы – грусть и вину. Вина преследует писателя за отступничество, отказ от предназначения, участия в общей судьбе. Покинув родину, писатель чувствует себя изгоем в глазах односельчан, отвергнутым ими: «Я вижу какое-то легкое раздражение и недовольство моих земляков чем-то, может, тем, что я уехал, а теперь, видите ли, приехал» (С. 51).

В отличие от вины, грусть, переживаемая писателем, – положительно окрашенное состояние. Испытывая отчуждение от родины во внешнем плане существования, он сохраняет внутреннюю связь с ней в душе: «...всю жизнь мою несу родину в душе, люблю ее, жив ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько» (С. 52). Духовная связь с родиной обеспечивает внутреннюю опору в ситуации безпорного бытия, придает сил в перипетиях жизни.

Образ родины, живущий в душе, сохраняемый в памяти, – светлый и чистый, формируется в детстве, в наивном, непротиворечивом мирозерцании ребенка: «Красота ее, ясность ее поднебесная – редкая на земле. <...> Я сказал “ясность поднебесная”, но и поднебесная, и земная, распахнутая, – ясность пашни и ясность людей, которых люблю и помню» (С. 52). Этот образ охватывает весь «поднебесный» мир, окружаю-

щий от рождения, – как земной, дольний мир – мир людей, так и широкое, необъятное пространство природы – бытие. «Ясность», как свойство того и другого, означает и эстетическое – прозрачность, очевидность и понятность красоты этого мира, его гармонической упорядоченности, и этическое – этот онтологический порядок ничем не затуманен, не омрачен, никаким злым помыслом в отношениях между людьми и в отношениях людей к пространству своего существования. Именно такая память о родине определяет в дальнейшем и восприятие патриархальной деревни, и болезненное переживание ее ухода.

Свое положение писатель осмысляет как переходное – неопределенное и неустойчивое: «Так у меня вышло к сорока годам, что я – ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже – не между двух стульев, а скорей так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде страшновато» (С. 26).

Неестественность этого положения, на границе двух миров, деревенского и городского, о котором можно говорить разве что иронически, обеспечивает, однако, особый ракурс, позицию вневходимости, которая позволяет отстраненно смотреть на то и на другое, составляющее в целом национальное бытие, – определяет творчество писателя и кинематографиста: «Но и в этом моем положении есть свои “плюсы” <...> От сравнений, от всяческих “оттуда – сюда” и “отсюда – туда” невольно приходят мысли не только о “деревне” и о “городе” – о России» (С. 26).

Проведенный анализ обнаруживает как близость В. Шукшина к писателям-«деревенщикам», так и существенное расхождение с ними. С одной стороны, в публицистике он последовательно выстраивает свою ретроутопию крестьянского мира: патриархальная деревня, требующая сохранения, предстает как идеальный тип социальной коллективности, который предполагает жизнь людей по законам родства, в гармонии и единстве всех и со всем. С другой стороны, В. Шукшин преодолевает утопизм сознания, свойственный представителям этого течения литературы, смещается к экзистенциальной трактовке разлома патриархальной культуры. В несобственно-художественном высказывании писателя вопло-

щено самосознание человека, отпавшего от рода. Как и герои собственных рассказов, В. Шукшин разрывается между двух миров. Он находится в мучительном поиске смысла уже не коллективного, а индивидуального существования, пытаюсь преодолеть внутренний кризис, порожденный не столько переживанием текущего исторического сдвига, сколько собственной драмой, отчуждением от родного пространства. Это выводит В. Шукшина за рамки «деревенской» прозы и приближает его к ценностным поискам литературы личностного самосознания.

Список литературы

Белая Г. А. Художественный мир современной прозы. М.: Наука, 1983. 190 с.

Веселовский А. Н. Народные представления славян. М.: АСТ, 2006. 667 с.

Каминский П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 97–105.

Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Политика ликвидации «неперспективных» деревень и ее социально-демографические последствия в Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 171–185.

Козлова С. М. «Шукшинская традиция»: проблемы и перспективы // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рожд. В. М. Шукшина. Барнаул, 20–25 июля 2014 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 8–17.

Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Отеч. история. 2005. № 3. С. 25–37.

Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.

Суханов В. А. Романы Ю. В. Трифонова как художественное единство. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 322 с.

Список источников

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2009. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления.

Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения. 536 с.

Материал поступил в редколлегию 16.02.2014

P. P. Kaminskiy

*Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

kelagast@yandex.ru

**PUBLICISTICS OF VASILIIY SHUKSHIN IN AN AESTHETIC CONTEXT
OF THE «VILLAGE» PROSE**

The author proceeds from the typological necessity to clarify the status of V. Shukshin in the literary process of the second half of the twentieth century. The solution to this problem is associated not only with the analysis of artistic, but also publicistic heritage of the writer, which is an integral utterance about people and their being and is necessary for a holistic understanding of his aesthetics. Depending on the way of the narrative action two plans in V. Shukshin's publicistics can be distinguished: actual publicistic, in which the rhetorical purpose dominated, and essayistic, with is characterized by the mode of reflection. During the analysis, firstly, the author reconstructs the writer's representations about the way of life of traditional Russian village and about the determinants of its crisis, which are expressed rhetorically. Secondly, an attempt is made to interpret the subjective experiences that become the subject of author's reflection as an essayistic utterance. The analysis confirmed the proximity of creative work by V. Shukshin's to art searches of the «village prose», and essential divergence from it. On the one hand, the writer as well generates his retrospective utopia of the peasant world. On the other hand, he overcomes utopianism of a consciousness inherent to the «villagers», he appears as the carrier of consciousness, fallen away from clan, he is in the painful search of values no longer collective, but an individual existence.

Keywords: Vasiliiy Shukshin, publicistics and essays, worldview, issues, poetics, «village» prose.